

ПОЭМА О НЕОБЫКНОВЕННОЙ СУДЬБЕ

ИНТЕРВЬЮ

БОРИС Иванович Равенских протянул мне объемистую рукопись: «Вот пьеса, о которой я вам рассказывал. Можете ознакомиться. Как я уже предупредил, здесь не вся пьеса. Драматургу предстоит еще немалая работа: ведь произведение по существу рождается заново в театре, в ходе постановки».

— Значит, созреть оно будет вплоть до премьеры?

— Да, пьеса будет готова полностью в день поднятия занавеса.

Теперь вернемся к беседе, предшествовавшей этому диалогу. Не буду давать оценки тому произведению, которое представало передо мной в рассказе Бориса Ивановича. Оно излагалось со страстностью, присущей моему собеседнику, и я невольно воспринимал пьесу «глазами его мысли» (по выражению Шекспира). Трудно было не подчиниться темпераменту режиссера, moreover, я и не старался оказывать сопротивление. Ведь это было интервью с режиссером, и оно должно с максимальной точностью передавать его мысли, его отношения к предмету беседы, его взгляды, размышления и сомнения.

Рассказ Бориса Ивановича с первых же фраз ввел меня в атмосферу, в которой ныне живет Театр имени Пушкина. Вся его деятельность целиком и полностью посвящена осуществлению постановок, знаменующих 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Первая из них уже была показана зрителю. Это «Обломов» по Гончарову в постановке Оскара Ремеза.

Теперь обратимся к главной постановке сезона, которую осуществляет сам Равенских.

— Названия пьесы? Оно еще не определялось. Условно это «Поэма о коммунисте». Может быть, «Песня о коммунисте». Автор — Михаил Анчаров. Весь постановочный коллектив вовлечен в атмосферу пьесы, живет в ней. Предвижу, что ограниченность сроков, имеющихся в нашем распоряжении, заставит вести штурм. Что ж, дадим темп, будем штурмовать.

— Каким материалом вы пользуетесь? Каков прообраз главного героя? Поскольку он вам ясен, как вы сказали, опишите его.

— Не буду многословным. Это Николай Островский. Человек необыкновенной, я сказал бы, величественной судьбы. Только ленинская эпоха могла породить такого героя. Речь идет не о том, чтобы инсценировать его биографию. Нет, это не театрализованное жизнеописание, хотя мы используем его книги, литературу о них, множество документов, его переписку. Все это только своеобразный трамплин. Я вижу в этом образе и самого Николая Островского, и Павлу Корчагина, и Николая Гастелло, и Маресьева, и Олега Кошевого, и Зою Космодемьянскую, и Юрия Гагарина...

— Вы хотите, надо полагать, ответить на вопрос: чем рождена сила человеческого духа таких людей?

— Да. И отвечаю: они сильны мощью ленинских идеалов. Я хочу поставить на сцене не лозунги

и не пьесу-планет, как ни соблазнительно бывает порой вернуться к формам агитон прошлого. Я хочу показать, как вырастает сегодня человек, воспитанный на идеалах партии Ленина. Я хочу, чтобы зрительный зал был поднят и заражен силой положительного примера.

Когда вдумываешься в образ Николая Островского, невольно говоришь себе: как красиво вошел он в жизнь и как красиво ушел из нее.

Нас волнует не столько несчастье, свалившееся на него, и даже не мужество, с которым он преодолел свою беду, а высокий, непостижимый героизм, который он проявлял в течение всей своей жизни. Его научил этому Ленин, и мы называем его по праву ленинцем. Сколько раз мы читали о том, что в годы Великой Отечественной войны в солдатских мешках находили книгу «Как закалялась сталь». И она была на вооружении наших воинов, в ней они черпали силу духа, моральную поддержку, потому что, читая Островского, они ощущали локоть друга, комсомольского вождя. Павла Корчагина сдвигался с Николаем Островским, герой и автор были неразделимы.

Они и сегодня с нами — на Братской ГЭС и на Каракумском канале, на строительстве домов и на кораблях подводников, в Звездном городе и на пограничных заставах.

В спектакле, который нами задуман, должны жить дух эпохи, идеи, мысли, аромат времени. Место истинного художника — на передовой линии жизни, там, где решаются главные проблемы, выдвинутые действительностью. Художник своими средствами может и должен помогать партии в ее благородных устремлениях быстрее достичь заветной цели — создать новый мир, где торжествует коммунизм. Слова о партийности и народности искусства останутся декларацией, благими намерениями, если их не претворить в конкретную художественную практику.

Трудно сейчас предугадать образ спектакля, который выстроит Борис Равенских. Единственное, что можно утверждать безусловно: спектакль не будет лозунгом, ординарным. Слишком много вкладывается в него глубокой режиссерской мысли, души гражданина, коммуниста.

— Мне кажется, Борис Иванович, что вы уже видите не только будущий спектакль, но и зрителя, которому он адресован. Кто он, этот человек?

— Вот что я вам отвечу. Юноша избирает в себя живительное тепло — знания, идеалы, которые потом созреют и дадут мудрость, умение жить не расчетливо и скупой, а смело, с отвагой, размахом, душевной щедростью. Таким мы хотим видеть следующее за нами поколение, неразрывно связанное с сегодняшним, старшим, уже умудренным жизненным опытом. Юности мы отдаем наше творчество. Но и старших любим и ценим. Они стоят того.

И. АДОВ.